ВОЛЫНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 Марта № 7 1886 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Ученіе Тридентскаго собора о первородномъ грѣхѣ и оправданіи—въ связи съ православнымъ и протестантскимъ ученіемъ о томъ же предметѣ.

Историко-критическій очеркъ изъ области сравнительнаго Богословія.

(Продолженіе).

Соотвѣтственно различному направленію западныхъ богослововъ въ ученіи ихъ о сущности первороднаго грѣха, развивалось различное ученіе ихъ и о слѣдствіяхъ грѣхопаденія. Богословы, держащіеся положительнаго направленія, говорятъ не только объ утратѣ первобытной праведности, но и о послѣдовавшемъ за такою утратою внутреннемъ поврежденіи и измѣненіи человѣческой природы. Такъ, по ученію бл. Августина, человѣкъ чрезъ грѣхъ не только палъ физически, но и нравственно,—не только сталъ подверженъ страданіямъ и смерти, но и въ корнѣ повредилъ въ себѣ образъ Божій,—помрачилъ разумъ, извратилъ свободу до основанія, и владѣетъ теперь только мнимою свободою—дѣйствовать подъ влія-

ніемъ похоти, т. е. грѣшить [1]). Словомъ, весь человѣкъ, по Августину, есть „massa perditionis“,—вмѣстилище зла, неспособенъ къ добру, духовно мертвъ и подлежитъ осужденію. Средневѣковые схоластики, явившіеся послѣдователями Августина, желали смягчить такой взглядъ Августина на падшую природу человѣческую [2]). Но это желаніе ихъ было доведено до крайности въ ученіи Ѳомы Аквината, составившемъ собою переходъ къ ученію Дунсъ Скотта. Ѳома Аквинатъ, рѣшая вопросъ о томъ, уменьшились ли чрезъ грѣхъ блага или дарованія первобытной природы человѣческой, различаетъ три рода такихъ благъ, или дарованій. «Первый родъ составляютъ первичныя элементы (principia) и вытекающія изъ нихъ основныя потенціи души; второй родъ—натуральная наклонность къ добродѣтели (inclinatio); третій—даръ первобытной праведности. Блага перваго рода не уничтожились и не уменьшились чрезъ грѣхъ. Блага третьяго рода всецѣло (totaliter) утрачены. Наконецъ, второе благо—натуральная наклонность къ добродѣтели—уменьшилось и ослабѣло чрезъ грѣхъ; такъ какъ грѣхъ есть нѣчто противоположное добродѣтели, то изъ того, что человѣкъ грѣшитъ, слѣдуетъ, что натуральная наклонность къ добродѣтели уменьшилась» [3]). Но Ѳомѣ возражали, что эта наклонность къ добродѣтели, постепенно ослабѣвая, можетъ дойти до нуля. На это Ѳома отвѣчаетъ: «натуральная наклонность

---

1) Tom. 40, Enchiridion de fide, spe et charitate, cap. 30.

2) Такъ, Петръ Ломбардъ, слѣдуя *отчасти* Августину въ воззрѣніи на сущность первороднаго грѣха, учитъ, что чрезъ этотъ грѣхъ человѣкъ, подобно евангельскому путнику не только ограбленъ, но и израненъ,—ограбленъ въ благахъ благодатныхъ, а израненъ—въ благахъ натуральныхъ (Sententiar. lib. II, dist. 25). И Бонавентура говоритъ о поврежденіи падшей природы человѣческой, но въ тоже время учитъ о свободной волѣ и активномъ участіи ея въ дѣлѣ спасенія (Breviloquium, p. V, c. 3). Смотр. ст. Ястребова—въ Труд. Кіевск. дух. Академіи.

3) Summa theolog., I p. secundae partis, qu. 85, art. 1. Послѣдняя мысль Ѳомы напоминаетъ нѣсколько ученіе Пелагія, что сила привычки много способствовала усиленію грѣха въ родѣ человѣческомъ; здѣсь вниманіе обращается не столько на наслѣдуемое нами отъ Адама грѣховное расположеніе ко грѣху, сколько на обнаруженіе этого расположенія,—на поступки людей.

свойственна человѣку уже потому, что онъ разуменъ: изъ того, что онъ дѣйствуетъ согласно съ разумомъ, слѣдуетъ, что онъ способенъ дѣйствовать согласно съ добродѣтелью. А такъ какъ, далѣе, чрезъ грѣхъ не могло всецѣло уничтожиться тò, въ силу чего онъ разуменъ,—иначе онъ не былъ бы способенъ грѣшить,—то, значитъ, невозможно допустить, чтобы натуральное благо всецѣло могло уничтожиться. Это Ѳома объясняетъ такъ. Наклонность къ добродѣтели можетъ быть понимаема, какъ средина между двумя крайностями: съ одной стороны, этой наклонности противостоитъ разумная природа, какъ корень ея, съ другой—благо нравственное какъ ея предѣлъ или цѣль. Посему умаленіе этой наклонности можетъ быть понято въ двоякомъ смыслѣ—*со стороны корня* и *со стороны предѣла* или *цѣли*. Но со стороны корня она не умаляется чрезъ грѣхъ, ибо грѣхъ не ослабилъ самую природу. Она умаляется, слѣдовательно, со стороны цѣли, насколько, т. е., чрезъ грѣхъ полагается ей препятствіе (impedimentum) къ достиженію цѣли. Правда, хотя въ послѣднемъ смыслѣ она можетъ умаляться до безконечности,—ибо до безконечности могутъ возрастать препятствія, а сообразно этому и самъ человѣкъ можетъ до безконечности прилагать беззаконіе къ беззаконію,—однако эта наклонность къ добродѣтели никогда не можетъ уничтожиться *всецѣло*, ибо въ разумной природѣ человѣка всегда сохраняется *корень* такой наклонности; это—подобно тому, какъ и прозрачное (просвѣчивающее) тѣло (diaphanum corpus) имѣетъ способность къ воспріятію свѣта потому, что оно прозрачно, и хотя эта способность умаляется вслѣдствіе находящихъ тумановъ, но всегда въ корнѣ природы тѣла она остается. Здѣсь, между прочимъ, лежитъ причина того, что и въ преступникахъ сохраняется природная наклонность къ добродѣтели,—иначе у нихъ не было бы угрызеній совѣсти,—но эта наклонность въ нихъ не проявляется на дѣлѣ потому, что они, по Божественному правосудію, лишены благодати; подобно тому, какъ и въ слѣпомъ способность къ зрѣнію остается въ самомъ корнѣ природы..., но она не проявляется потому, что ей не достаетъ причины, которая бы могла возвратить организацію тому органу, который требуется для

зрѣнія» [1]). Въ чемъ же обнаружилось упомянутое ослабленіе натуральной наклонности къ добродѣтели? Оно обнаружилось въ нарушеніи (destitutio) первобытной гармоніи между силами или потенціями души, отвѣчаетъ Ѳома. Это нарушеніе Ѳома называетъ пораженіемъ природы (vulneratio naturae). Въ соотвѣтствіе *четыремъ* главнымъ потенціямъ души, кои могутъ быть субъектами добродѣтелей, Ѳома насчитываетъ четыре вида этого пораненія, или четыре раны: *невѣдѣніе* въ умѣ, *злость* (malitia) или нѣкоторая наклонность ко злу въ волѣ, *слабость* въ способности мужественной, и *похоть* (concupiscentia) въ способности чувствовательной. Съ постепеннымъ ослабленіемъ наклонности къ добродѣтели,—что̀ бываетъ чрезъ личные грѣхи,—увеличиваются и эти раны [2]). Такимъ образомъ, причиненное грѣхомъ поврежденіе природы человѣческой у Ѳомы представляется довольно поверхностнымъ: сущность этой природы, ея внутреннее существо нисколько не повреждено. Способность къ добру сама по себѣ *всецѣло* существуетъ, но только въ *связанномъ* состояніи, подобно способности къ зрѣнію въ слѣпомъ, или—къ воспріятію свѣта въ прозрачномъ тѣлѣ, покрытомъ туманомъ. Въ такомъ-то смыслѣ способность къ добру называется у Ѳомы ослабленною или умаленною. Стоитъ только высвободить эту способность изъ внѣшнихъ узъ, отнять препятствіе, мѣшающее ей проявиться во внѣ, и—она снова, какъ и въ невинномъ состояніи человѣка, сама собою начнетъ свою дѣятельность.

Отсюда уже легко было перейти къ тому выводу въ ученіи о слѣдствіяхъ грѣхопаденія, къ которому пришли богословы *отрицательнаго* направленія.

Богословы *этого* направленія утверждали, что такъ какъ первобытная праведность была свойствомъ совершенно случайнымъ въ природѣ человѣка, служила только внѣшнимъ ея украшеніемъ, то, съ утратою этой праведности, природа человѣка не потерпѣла никакого повреж-

1) Ibid., qu. 85, art. II.

2) Ibid., qu. 85, art. III. Ср. ст. Ястребова въ Труд. Кіевской дух. Академіи.

денія въ своихъ естественныхъ силахъ и дарованіяхъ [1]): она перешла только въ состояніе purorum naturalium (virium), полученное ею въ самомъ актѣ творенія. А такъ какъ въ естественныхъ силахъ и дарованіяхъ человѣка состоялъ образъ Божій, то чрезъ грѣхъ этотъ образъ нисколько не утраченъ: утрачено только подобіе Божіе, состоявшее въ развитіи этихъ силъ при содѣйствіи первобытной праведности. Съ точки зрѣнія этихъ богослововъ нельзя говорить о поврежденіи природы: можно говорить только о нѣкоторомъ ея измѣненіи — въ томъ смыслѣ, что она утратила ту *узду* (по Скотту), или *кормчаго* (по Анзельму), при помощи чего человѣкъ могъ регулировать взаимныя отношенія между духомъ и плотью, и съ лишеніемъ чего духъ, побуждаемый какъ бы инстинктомъ, все еще хочетъ подняться къ небу, но плоть, удерживая его въ области низшихъ предметовъ, противится его благороднымъ порывамъ. О какомъ-либо внутреннемъ поврежденіи, противномъ природѣ человѣка, — о похоти, какъ началѣ, ненатуральномъ человѣку, грѣховномъ, здѣсь не можетъ быть рѣчи. Похоть, по ученію этихъ богослововъ, есть натуральное желаніе чувственныхъ удовольствій, ставшее съ утратою первобытной праведности желаніемъ неумѣреннымъ, и — только. Характера же грѣха и вообще зла она потому уже не заключаетъ въ себѣ, что имѣетъ свое сѣдалище въ чувственной матеріальной сторонѣ природы человѣческой, къ ко-

---

[1]) «Свобода, говоритъ *Анзельмъ*, есть способность человѣка сохранять полученную отъ Бога правоту воли ради самой правоты. Сохранять эту правоту возможно было только при помощи первобытной праведности. Слѣдовательно, съ утратою этой праведности потеряна и самая правота воли». Но не потеряна ли вмѣстѣ и свобода? Анзельмъ отвѣчаетъ: «хотя правота воли и отсутствуетъ вслѣдствіе утраты первобытной праведности, однако разумная (наша) природа имѣетъ то, что́ ей свойственно, т. е., свободную волю: подобно тому, какъ и никакой инструментъ самъ по себѣ недостаточенъ для дѣла, однако когда недостаетъ того, безъ чего мы не можемъ пользоваться инструментомъ, мы не обинуясь утверждаемъ, что мы имѣемъ этотъ инструментъ для какого-либо дѣла» (Patrologiae cursus—tom. 158, de libero arbitrio, cap. 3). Воззрѣніе это—весьма близко́ къ ѳомистическому и до крайности развито Дунсомъ Скоттомъ.

торой ни какъ не могутъ быть приложимы предикаты нравственнаго характера, а потому и—предикатъ грѣха. Воззрѣніе чисто-пелагіанское!

Не соглашаясь нѣсколько въ ученіи о сущности и слѣдствіяхъ первороднаго грѣха, схоластическіе богословы обоихъ направленій,—и положительнаго и отрицательнаго, согласны однакожъ между собою въ ученіи о переходѣ этого грѣха въ родъ человѣческій. Согласно признавая, хотя не всѣ одинаково ясно выражая, что плоть, матеріальная сторона природы человѣческой, есть начало грѣха, они, естественно, не могли допустить наслѣдственной порчи души человѣческой: грѣхъ нашего прародителя наслѣдуется нами, его потомками, чрезъ *плоть* или *тѣло (что* на языкѣ римскихъ богослововъ—*одно и тоже)*. Душа же всякій разъ творится Богомъ *изъ ничего* и *вливается* (infunditur) или *вдувается* (inspiratur) Имъ въ образовавшееся во утробѣ матери тѣло [1]): какъ дѣло рукъ Божіихъ, она сама по себѣ чиста и не причастна грѣху Адамову и оскверняется имъ только чрезъ соединеніе съ тѣломъ,—носителемъ того грѣха. Такъ явилась теорія *креаціанизма*, или творенія душъ человѣческихъ, принятая на западѣ и строго проведенная во всемъ его вѣроученіи.

Скоттовская теорія о сущности и слѣдствіяхъ первороднаго грѣха, благодаря своему пелагіанскому характеру, стала все болѣе и болѣе утверждаться въ западномъ богословіи и ко времени Тридентскаго собора сдѣлалась господствующею. По крайней мѣрѣ тѣ богословы, которые выставлены были папою для борьбы съ представителями реформаціоннаго движенія, держались этой теоріи. Таковы были *Эккъ* и *Вимпина*. Они опредѣляютъ первородный грѣхъ исключительно «какъ лишеніе первобытной праведности» (carentia seu priwatio originalis justi-

---

1) «Богъ, какъ выражается Ломбардъ, вливаетъ душу при твореніи и творитъ при вливаніи („creando infundit eam (animam) Deus, et infundendo creat"—Sententiar. lib. II, dist. 17, 3). Ѳома Аквинатъ отъ anima intellectiwa различаетъ anima sensitiwa (душа общая всѣмъ земнымъ тварямъ),—только послѣдняя происходитъ чрезъ плотское рожденіе, а первая всякій разъ творится Богомъ изъ ничего (Summa theol. p. I, qu. 118, art. 2).

tiae), или возмущеніе плоти противъ духа. Въ утратѣ первобытной праведности повиненъ Адамъ и мы въ немъ. Эта виновность снимается съ насъ всецѣло въ таинствѣ крещенія. Что же касается похоти, то она есть не болѣе, какъ „languor naturae“—природная слабость, или какъ fomes peccati—легко воспламеняющееся вещество для грѣха, и потому какъ въ возрожденныхъ, такъ и въ невозрожденныхъ она не есть грѣхъ, пока находится въ подчиненіи у разума [1]).

Такой крайне поверхностный взглядъ на сущность первороднаго грѣха, тѣмъ болѣе защищаемый и проводимый римскими богословами, что противъ него возставали реформаторы 16-го вѣка, значительно ослаблялъ силу первороднаго грѣха и легко могъ привести къ чисто-пелагіанскому воззрѣнію на него,—къ совершенному отрицанію первороднаго грѣха. И въ самомъ дѣлѣ, если, по ученію римскихъ богослововъ, первородный грѣхъ полагается исключительно въ утратѣ дара первобытной праведности, иначе—въ возмущеніи плоти противъ духа, то очевидно, что въ человѣкѣ, какъ индивидуумѣ, причина такого возмущенія заключается *не въ извращенности* воли,—такъ какъ человѣкъ рождается съ силами неповрежденными,—а въ томъ, что въ Адамѣ мы, его потомки, стали виновными въ утратѣ того дара, вслѣдствіе чего и является въ насъ это возмущеніе. Посему вмѣненіе утраты первобытной праведности не объясняетъ извращенности воли отдѣльнаго человѣка, а даетъ мысль только о наслѣдственной винѣ. Отсюда уже легко было прійти къ такому выводу, что эта вина не есть ни порокъ, ни поврежденіе, присущіе субстанціи перваго человѣка, а *вполнѣ естественное* состояніе, аналогичное тому состоянію, въ которомъ рождаются дѣти рабовъ, претерпѣвающія состояніе рабства не вслѣдствіе личнаго проступка, а вслѣдствіе проступка родителей,—состояніе не нравственнаго, а юридическаго характера. Такое мнѣніе есть уже *чисто-пелагіанское!* Его впервые высказалъ римскій богословъ *Альбертъ Пигій* (Pighius, ум. 1543 г.)

---

1) Lämmer's—Die vortridentinisch—katholische Theologie des Reformations—Zeitalters, Berlin, 1858, pag. 104—105.

и защищалъ на Тридентскомъ соборѣ *Амвросій Катаринъ* [1]). Оно же легло въ основу теоріи *анабаптистовъ* (1540 г.), которые отрицали необходимость крещенія дѣтей потому, что отрицали первородный грѣхъ, омываемый водою крещенія: они учили, что ни грѣхъ, ни смерть тѣла, ни другія тѣлесныя страданія, какъ явленія естественныя, не переходятъ отъ Адама на его потомковъ, а потому младенцы, чуждые всякаго грѣха, не должны быть крещены. Если Адамъ и повредилъ чѣмъ-нибудь своимъ потомкамъ, то развѣ только примѣромъ: ему подражаютъ всѣ тѣ, кои грѣшатъ послѣ него [2]). Мнѣніе Пиггія послужило основою и для Цвинглія утверждать, подобно пелагіанамъ, что дѣти, рожденныя отъ крещенныхъ родителей, не нуждаются въ крещеніи [3]); только дѣти язычниковъ должны быть крещаемы, при чемъ однако и они хотя крещаются во отпущеніе грѣховъ, тѣмъ не менѣе не наслѣдуютъ отъ грѣха Адамова ничего такого, *что* нуждалось бы въ очищеніи путемъ возрожденія. Цвин-

---

1) M. Chemnitii—Examen concilii Tridentini, edit. 1767, Francofurti ad Moenum, p. I, loc. 3, sect. I, pag. 126—127. Пиггій утверждалъ, что личное преступленіе Адама переходитъ на его потомковъ и распространяется на нихъ въ видѣ только виновности и наказанія (reatu et poena) *помимо всякаго порока и извращенія*, присущихъ ихъ субстанціи.

2) Мнѣніе анабаптистовъ раздѣляли раньше альбигойцы (1278 г.) и Петръ Абеляръ.

3) *Цвинглій* ссылался въ данномъ случаѣ на слова Господа къ Аврааму: «Я—Богъ твой и сѣмени твоего послѣ тебя (Быт. 17)». «Хотя это сказано и одному Аврааму, разсуждаетъ Цвинглій, однако это слѣдуетъ разумѣть и о всѣхъ его потомкахъ, ибо обѣтованія Божіи—вѣчны. Мы же, христіане, становимся сынами Авраама чрезъ вѣру во Христа. Посему должно думать, что и о каждомъ изъ насъ сказано: «Я—Богъ твой и сѣмени твоего». Отсюда—сыны *вѣрныхъ* потому именно, что они—сыны *вѣрныхъ*, принадлежатъ этому завѣту и считаются близкими народу Божію». Но,—справедливо возражаетъ Цвинглію Беллярминъ,—это обѣтованіе Божіе дѣлаетъ человѣка сѣменемъ Авраама не по плоти, но по вѣрѣ (Рм. 4, 9; Гал. 3, 4); и потому сыны вѣрныхъ принадлежатъ народу Божію и считаются сѣменемъ Авраама не потому, что они сыны вѣрныхъ *по плоти*, а потому, что они начинаютъ подражать *вѣрѣ* отцовъ своихъ, когда воспримутъ благодать крещенія (Bellarmin's „Disputationes tom. IV, de amissione gratiae et statu peccati lib. 4, cap. 2, pag. 103).

глій вмѣстѣ съ Эразмомъ Роттердамскимъ утверждалъ, что смерть и тѣлесныя страданія переходятъ отъ Адама, но не грѣхъ [1]). Адамъ первый умеръ, а за нимъ и подобно ему умираютъ и всѣ его потомки. Такимъ образомъ, скоттовская теорія о первородномъ грѣхѣ, развиваемая римскими богословами, въ своихъ крайнихъ выводахъ пришла къ полному отрицанію этого грѣха,—возобновила заблужденія Пелагія и его учениковъ.

(Продолженіе будетъ).

БЛАГОВѢСТЪ.

Человѣку врождено стремленіе выражать свои чувства;—свои мысли и расположенія сообщать другимъ. Для этого служитъ намъ языкъ. При посредствѣ его, возбуждая къ себѣ участіе въ нашемъ ближнемъ, мы сообщаемъ ему какъ свою радость, такъ и горе. Мы сожалѣемъ о несчастныхъ, которые не могутъ говорить, которые вынуждены скрывать въ своей груди свои чувства. Напротивъ счастливъ всякій, кто можетъ внятно говорить и откровенно сказывать и объявлять, чѣмъ возбуждается его сердце.

Но есть предметы, возбуждающіе въ насъ особенное одушевленіе,—предметы столь возвышенные, насъ въ такой степени осчастливливающіе, что мы тысячами голосовъ желали бы провозглашать и распространять хвалу имъ. Нужно ли говорить, что это предметы по преимуществу изъ области религіозной и что особенно благочестивый христіанинъ стремится гласно и всенародно исповѣдывать свою вѣру. Что съ полнымъ убѣжденіемъ считается нами за истину, Божественность чего чувству-

---

1) По *Цвинглію*, первородный грѣхъ есть *болѣзнь* (morbus),—*естественный недостатокъ* (defectus), который не имѣетъ характера вины и не можетъ подвергать человѣка осужденію. А потому онъ не можетъ быть названъ грѣхомъ въ истинномъ и собственномъ смыслѣ, а—развѣ только въ смыслѣ метонимическомъ,—въ смыслѣ повода ко грѣху, и тогда впервые начинаетъ быть грѣхомъ, достойнымъ осужденія, когда обнаруживается во внѣ, въ преступленіи (facinus). Bellarmin. Ibid.

ется нашимъ сердцемъ: то желаемъ мы и громко выражать. Такъ объясняется слово Псалмопѣвца: *Я вѣровахъ, потому и говорилъ* (Пс. CXV, 1). Чѣмъ тверже, основательнѣе вѣра, тѣмъ громогласнѣе и внятнѣе языкъ, которымъ она говоритъ.

Христіанскими общинами съ самыхъ же первыхъ поръ ихъ возникновенія живо стала чувствоваться потребность дать своему христіанскому одушевленію и соотвѣтствующее выраженіе. О началѣ Богослуженія въ скиніи свидѣнія, а впослѣдствіи и въ Іерусалимскомъ храмѣ, Израиль оповѣщаемъ былъ требнымъ звукомъ. Естественно кажется было бы обратится къ этому средству созыванія вѣрующихъ на молитву и первенствующимъ христіанамъ; но по причинѣ преслѣдованій ихъ въ первые вѣка они не могли отваживаться на это. Изъ опасенія быть открытыми со стороны язычниковъ въ первыя времена христіанства предстоятелями его посему общество вѣрныхъ было созываемо къ Богослуженію, насколько то возможно было, тихо и безъ всякаго шума посредствомъ вѣстниковъ или объявляемо было о времени будущаго собранія за ранѣе бывшимъ или заранѣе назначалось для собранія опредѣленное время. Въ позднѣйшія же столѣтія исторіи христіанской церкви были, можно сказать, формальные поиски за лучшимъ способомъ оповѣщенія вѣрующихъ объ общественной молитвѣ и созыванія ихъ къ ней, и стали пользоваться для собиранія вѣрующихъ весьма равнообразными средствами. Послѣ Константина Великаго стали употреблять трубы. Въ монастыряхъ уже и ранѣе того созывали монашествующихъ ударами въ дверь каждой кельи. Въ Римѣ еще и нынѣ въ страстную недѣлю въ колокола не звонятъ, а созываютъ къ Богослуженію колотя въ доски. Мы если бы къ настоящему времени не имѣли колоколовъ, быть можетъ, должны были бы обращаться къ дѣтямъ для созыва взрослыхъ при посредствѣ ихъ въ храмы.

А когда были изобрѣтены и вошли въ употребленіе колокола, то язычники Римской имперіи послѣ этого, почасту слыша звонъ этихъ колоковъ, говорили: «Это голосъ христіанскаго Бога слышенъ». И въ этомъ словѣ

ихъ болѣе правды, чѣмъ сколько ея кто нибудь предполагалъ-бы въ немъ. Звонъ колокола съ тѣхъ поръ дѣйствительно сильнѣе всякой другой громкой музыки сталъ возвышать христіанскія сердца къ небу. Изображая собою подражаніи цвѣточной чашечкѣ, будучи слиты изъ благородной мѣди, колокола стали созывать христіанъ въ мѣста священныя, въ мѣста мира, къ освященію; они съ тѣхъ поръ сдѣлались языкомъ, голосомъ, трубами духовной артиллеріей воинствующей церкви. Находя не только въ нашемъ ухѣ, но и въ нашемъ духѣ, какъ въ хорошо устроенномъ въ акустическомъ отношеніи храмѣ, скорый и живой отголосокъ, своими возбуждающими, вызывающими изъ усыпленія, оживляющими звуками они трогать стали и настраивать христіанскія сердца къ молитвѣ. Съ волнами звуковъ, подъ звуки колоколовъ восходятъ и наши мысли и чувства къ небу, въ его голубую даль, восходятъ на крыльяхъ благодарности къ Тому, о Комъ колокола въ своихъ тонахъ возвѣщаютъ, Кого единогласно и полнозвучно всѣ они хвалятъ какъ любвеобильнаго Подателя всѣхъ даровъ добрыхъ и совершенныхъ.

Звуки уже и отдѣльнаго колокола представляютъ собою нѣчто торжественное и возвышенное. Если же раздается звонъ нѣсколькихъ колоколовъ, между собою всегда болѣе или менѣе согласованныхъ; если звонъ этотъ въ прекрасныхъ гармоніи и согласіи льется съ нашимъ колоколенъ: то происходитъ благозвучіе еще торжественнѣйшаго рода. Этими мощными звуками этими волнующими тонами, въ полныхъ потокахъ разливающимися въ воздухѣ, назнаменовываются Божьи откровенія человѣку, которыми Господь дѣйствуетъ еще и нынѣ на внутреннее наше чувство, будитъ оное, открываетъ глаза намъ. Въ тихую ночь ухо невоздержнаго такъ не отклонимо поражается медленными ударами церковнаго часоваго колокола! Какими печальными тонами отзывается колокольный звонъ въ комнатѣ богоотступника и нечестивца! Особое чувство, чувство безпокойства, боли и жалобы звономъ колокольнымъ вызывается въ груди вѣчно грѣшной. Между тѣмъ какъ въ душѣ, ищущей мира съ Богомъ, звуки колоколовъ возбуждаютъ свѣтлое и мирное настроеніе. Вслушайтесь въ церковный благовѣстъ, и онъ скажетъ

вашей душѣ, въ какомъ положеньи находится она, наведетъ онъ васъ на думы о себѣ.

Трижды на день, утромъ, въ полдень и вечеромъ, отзываясь на крикъ своего муэззина съ башни, что при мечети, каждый безъ исключенія магометанинъ молитвенно обращаетъ свое лице къ Меккѣ, къ своей такъ называемой священной Каабѣ, опускается на колѣна, прославляетъ и благодаритъ Бога за дарованіе вѣры магометанамъ, по ихъ мнѣнію, истинной и истиннаго пророка Магомета. Что Исламъ предписываетъ своимъ послѣдователямъ ошибочнымъ образомъ какъ выраженіе истиннаго Богопочтенія, то православная церковь практикуетъ не какъ порожденіе религіознаго заблужденія, а въ качествѣ святой истины, зиждущейся на вѣрнѣйшихъ основахъ. О пророкѣ Даніилѣ извѣстно, что онъ трижды на день восходилъ на кровлю своего дома и тамъ, въ уединенной комнаткѣ, отворяя окно на востокъ, падалъ на колѣна, прославлялъ и благодарилъ Бога. *Вечеромъ и утромъ и въ полдень умолялъ онъ Бога и взывалъ къ Нему, дабы Онъ услышалъ гласъ* смиреннаго раба своего (Пс. LIV, 18). Нѣчто подобное этому практикуетъ и наша православная церковь. Трижды въ день она напоминаетъ своимъ чадамъ объ иномъ мірѣ, объ иныхъ заботахъ. Раннимъ утромъ она оповѣщаетъ своихъ чадъ о порѣ проснуться для жизни и дѣятельности, начавъ эту хвалой Богу. Церковь говоритъ тогда: «Не забывай во время древняго дѣланія своихъ обязанностей къ Богу. Ему обязанъ ты, что разсвѣлъ для тебя нынѣшній день. Ты могъ умереть и не прочнуться, не видать этого сіяющаго солнца. Воздай славу Богу, тебѣ вновь показавшему свѣтъ. Въ полдень зоветъ насъ церковь благовѣстомъ къ обѣднѣ помолиться о добромъ и полезномъ душамъ нашимъ, о всѣхъ недужныхъ, страждущихъ, плѣнныхъ, трудящихся и обремененныхъ непосильными дѣлами житейскими. И всѣ, хотя бы кто и дома оставался, всѣ православные христіане узнаютъ по ударамъ колокола время, когда приносится за нихъ въ ихъ храмѣ безкровная жертва, узнаютъ, и каждый православный человѣкъ, гдѣ бы онъ ни очутился въ эти великія минуты, съ благодарностію вспоминаетъ о крестной жертвѣ и

страданіяхъ Спасителя за грѣхи міра, вспоминаетъ и крестится. Вечеромъ церковь напоминаетъ намъ о порѣ покоя и обязанности благодарить Бога за прожитой день и за все перенспытанное въ теченіе его. «Пришедше на западъ солнца, поетъ она тогда, видѣвше свѣтъ вечерній, поемъ Отца, Сына и Святаго Духа. Достоинъ, достоинъ Ты, Боже, пѣтъ быти гласы преподобными».

А какъ скрашиваются христіанскіе наши праздники колокольнымъ звономъ! Работы прекращаются; повсюду настаетъ отзывающаяся священнымъ достоинствомъ тишина. Тутъ раздается благовѣстъ церковнаго колокола. Всѣ крестятся, всѣ болѣе или менѣе возбуждаются, какъ еслибъ вѣтеръ деревъ листву всколыхнулъ. Всюду еще тихо, и въ этой тиши лишь голосъ вѣрной матери нашей раздается; это ея вѣрная поступь слышна; и лишь грѣшники пугаются этихъ тоновъ, этого приближенія матери къ душѣ ихъ и этого голоса ея. По душамъ же мирнымъ, благочестивымъ при благовѣстѣ какъ бы невольный трепетъ пробѣжитъ. Такъ величественно настраиваются онѣ при этомъ, такими возвышенными мыслями проникаются; такъ трогательно, такъ радостно настраиваются сердца; такія отрадныя чувства возникаютъ въ груди: какъ будто голосъ чей любимый, самый близкій, родной голосъ обратился къ намъ. Сколько чистѣйшихъ чувствъ въ насъ тогда воспроизводятъ эти церковный благовѣстъ и звонъ, чувствъ залегшихъ въ душу еще съ дѣтства! Сколько добрыхъ мыслей, святыхъ мечтаній тогда они навѣваютъ на насъ! По истинѣ, если дни воскресные и праздничные въ нашей трудовой жизни являются вѣстниками мира, то въ колоколахъ эти вѣстники получаютъ и имѣютъ уста.

Но вотъ въ праздничныхъ нарядахъ народъ выходитъ изъ храма: ничѣмъ инымъ общее его настроеніе не можетъ быть выражено удачнѣе; ничѣмъ праздникъ не можетъ быть удачнѣе возвеличенъ, какъ мощнымъ звономъ колоколовъ.

И православный христіанинъ, когда слышитъ звонъ церковныхъ колоколовъ, гдѣ бы онъ ни очутился, подобно цвѣтку, постоянно наклоняющему свою чашечку къ солнцу, обращаетъ свои умъ и сердце горѣ. Заслышавъ

благовѣстъ русскій православный человѣкъ, если онъ въ пути или въ полѣ сниметъ шапку и перекрестится; какой прекрасный обычай! Окажется ли на безлюдной дорогѣ или въ темномъ лѣсу, гдѣ движимыя вѣтромъ шумятъ лишь красныя сосны и темныя ели, онъ обнажитъ голову и перекрестившись сердечно встрепенется; а дома съ молитвой на устахъ изъ рукъ работу опуститъ; по рѣкѣ плывя сложитъ весла: повѣялъ для него Духъ Божій надъ землей и надъ водой. И подкрѣпленный сладкою надеждой скоро быть дома, услышавъ звонъ колоколовъ въ родномъ селѣ, спѣшитъ со слезою радости на глазахъ и ускоряетъ свой бодрый шагъ путникъ, стремясь къ цѣли своего путешествія. Въ туманъ, въ темный вечеръ или въ зимнюю снѣжную вьюгу, когда не видно бываетъ ни неба ни окрестностей, слышится звукъ колокола: для блуждающаго это призывъ итти и ѣхать въ его сторону, и заблудившійся путникъ радостно и мужественно слѣдуетъ его зову.

Такое значеніе имѣютъ для насъ наши колокола и съ такимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ относится православный русскій человѣкъ къ церковнымъ благовѣсту и звону, этому голосу неба на землѣ. Недаромъ же на нашемъ языкѣ церковный звонъ и называется благовѣстомъ: дѣйствительно въ волнахъ колокольнаго звона съ высотъ при нашихъ Божьихъ храмахъ льется разнообразно-благая вѣсть по міру.

Церковные колокола оглашаютъ нашъ слухъ при разнообразнѣйшихъ положеніяхъ и условіяхъ нашей жизни; потому способны они и разнообразнѣйшія чувства пробуждать въ насъ. При печали звонъ и благовѣстъ церковные въ насъ вливаютъ утѣшеніе, при безутѣшности небесную надежду; проходя ухо, звуки церковныхъ колоколовъ достигаютъ сердца и приносятъ ободреніе въ хижину бѣдняка, усладу во всѣ мѣста страданій, отраду къ смертному ложу, на крыльяхъ своихъ звуковъ насъ унося въ ту тихую, вѣчно мирную страну, гдѣ никогда не вечерѣетъ.

Но колокольный звонъ и непосредственно возбуждаетъ въ насъ иногда чувства и ощущенія прямыхъ скорби и печали. Таковъ онъ при погребеніи нашихъ усоп-

шихъ. Грустью наполняется сердце при погребальномъ перезвонѣ колоколовъ. Кого хоронятъ? Дорогаго ли отца или вѣрную мать? Или отозванъ ангеломъ смерти изъ этой жизни какой-либо благодѣтель, скромный и тихій другъ людей, котораго смерть болѣзненно отзовется лишь въ бѣдной хижинѣ и въ мѣстахъ, которыхъ благо покойный обосновалъ и росту ихъ споспѣшествовалъ? И блѣднѣетъ отъ этого похороннаго звона гордый; а душа участливая льетъ слезы.

Народъ нашъ говоритъ, что колоколъ вызваниваетъ души изъ ада. Истинность этой вѣры во всей своей полнотѣ откроется намъ конечно тогда лишь, когда разоблачится предъ нами исторія всѣхъ спасенныхъ душъ. Но что эта вѣра истинна, объ этомъ свидѣтельствуетъ немалочисленный рядъ тѣхъ, о коихъ доподлинно извѣстно, что ихъ спасъ отъ вѣчной гибели ударъ колокола. Несомнѣнно уже и теперь, что весьма велико число тѣхъ, которые звукомъ колокола предохранены отъ совершенія преступленія. Вотъ трусъ, утомившійся борьбою съ жизнью. Онъ готовился посягнуть противъ своей жизни. Но достигъ его уха ударъ колокола; готовившійся стать самоубійцею, онъ содрогается, страшится самого себя; тотъ ударъ колокола вызываетъ на поверхность души иныя чувства, ободряетъ къ жизни, и кубокъ съ ядомъ отбрасывается далеко въ сторону; ядъ изъ него разливается по полу.

Внѣ нашей православной Россіи, въ городахъ заграничныхъ и въ нашихъ инородческихъ и неправославныхъ, звонятъ мало, а индѣ и вовсе не звонятъ. Экономія, страхъ предъ затратой денегъ на колокола удерживаютъ обывателей тѣхъ городовъ и селеній отъ этой роскоши. А можетъ быть, не малую роль играетъ тутъ и боязнь, что колокола слишкомъ будутъ напоминать сердцамъ о вѣчности, о которой просвѣщенность, духъ времени, торговыя компаніи и банки ничего знать не хотятъ. Подъѣзжаете вы къ русскому городу, и еще издали жители его праздничнымъ звономъ цѣлуютъ васъ: торжественно гудятъ колокола. Подъѣзжаете вы къ городу, для спокойствія гражданъ не имѣющему колоколовъ или ограничивающему употребленіе ихъ, и слышится вамъ еще издали

стукъ фабричныхъ колесъ. *По улицамъ несутся колесницы, гремятъ на площадяхъ* (Наум. II, 4); *слышны хлопанья бича и стукъ колесъ, ржанье коня и грохотъ скачущей колесницы* (Наум. III, 2). Подъѣзжаете вы ночью къ русскому городу, и звукъ часовыхъ колоколовъ говоритъ вашему сердцу о дремлющей жизни. Подъѣзжаете вы ночью къ городу безъ колоколовъ, и слышите собачій лай.

Нѣтъ, несравненно пріятнѣе и безопаснѣе жизнь съ колоколами, чѣмъ безъ нихъ и съ собаками. Гдѣ звонятъ въ колокола, оттуда злые демоны сами собою отступаютъ. Гдѣ звонятъ въ колокола, оттуда демоны враждебные святости и миру волей неволей бѣгутъ. Народъ нашъ издревле вѣритъ этому, и истинность этой вѣры ежедневно вновь подтверждается.

Итакъ по истинѣ въ звукахъ нашихъ колоколовъ сокрыта великая сила, проникающая глубоко въ наши сердца. Они насъ радуютъ, но какъ бы волшебствомъ какимъ въ печаль и радость могутъ превращать; но они же способны и отъ грѣха насъ обращать на путь истинный, отворять грѣшнику дверь спасенія. Съ какимъ удовольствіемъ слушалъ бы звонъ нашихъ колоколовъ Пиѳагоръ, который со вниманіемъ прислушивался къ ударамъ даже и кузнечнаго молота! Какимъ инымъ именемъ, какъ не устами говорящими назвалъ бы онъ этотъ звонъ нашихъ колоколовъ, во дни святыхъ намъ напоминающій о вѣчномъ покоѣ святыхъ, во вторую половину страстной недѣли о нашемъ примиреніи съ Богомъ чрезъ Христа, въ Пасху о вѣчной и непреходящей радости и проч. и проч. Или это не говорящія уста, когда колоколъ даетъ знать намъ о каждомъ часѣ, о теченьи каждаго часа, даже о минутахъ времени, напоминая намъ при этомъ и о вѣчности, когда *времени не будетъ болѣе* (Апок. X, 6)? Своимъ металломъ колокола напоминаютъ и пресвитерамъ и вѣрнымъ о твердости и мужествѣ, съ какими они должны стоять противъ враговъ церкви Христовой. Ударами своего языка въ оба края они напоминаютъ вѣрнымъ о двухъ завѣтахъ Бога съ человѣкомъ. Крестообразно положенныя балки, къ которымъ колоколъ подвѣшенъ, напоминаютъ о необходимости столь же твердо держаться

подъ крестомъ жизни, какъ твердо прикрѣпленъ къ нему колоколъ желѣзомъ.

Въ нашемъ народѣ живетъ вѣра, что колокола имѣютъ самостоятельные духъ и волю, состоящіе на службѣ у высшей Божественной воли. Отчасти эта вѣра сказывается уже и въ именахъ, какія наши предки давали колоколамъ. Таковы: Сысой, Бурлила, Лебедь, Буревой, Мотора и т. п. Еще и понынѣ эта народная вѣра создаетъ много прекрасныхъ легендъ и сагъ о произвольныхъ звукахъ колоколовъ, издаваемыхъ ими при особыхъ случаяхъ безъ прикосновенія къ нимъ человѣка. Такіе звуки обыкновенно, по народному вѣрованію, предвѣщаютъ смерть кому нибудь. Сельскія дѣвицы еще и по сю пору слушаютъ въ святки на перекресткахъ: колокольчикъ къ замужеству, колоколъ къ смерти. И случайный звонъ, послышавшійся на распутьи, имѣютъ основаніе въ болѣе глубокой вѣрѣ.

Чрезвычайно милы два разсказа о силѣ благовѣста, изложенные г. Радонежскимъ въ его христоматіи «Солнышко». Мы позволяемъ себѣ здѣсь цѣликомъ привесть ихъ для приданія нѣкоторой полноты изложенію настоящаго предмета.

Сельская церковь с. Копрнна, говоритъ онъ, стоитъ на высокомъ берегу р. Волги. Съ колокольни видъ на Волгу и окрестности безподобный. Въ дѣтствѣ, говоритъ г. Радонежскій, любилъ онъ лазить на колокольню со сторожемъ, отставнымъ солдатомъ Николаемъ, когда онъ пойдетъ, бывало, благовѣстить ко всенощной на праздникъ. Благовѣстъ гудитъ, а ты стоишь и смотришь съ высоты въ даль. Мечты, думы, одна за другой, неясныя грезы встаютъ въ головѣ и уносятся волнами звуковъ. Часто мнѣ хотѣлось спросить у гудящаго колокола: Что онъ видѣлъ на своемъ вѣку? Сколько слезъ, горя, неутѣшной скорби или радости пролито при его звукахъ? Какое облако молитвенныхъ вздоховъ вылетѣло изъ груди поселянъ, когда они внимали этому мѣдному голосу?

Помню, какъ теперь, мое пребываніе на колокольнѣ со сторожемъ наканунѣ Покрова. Онъ не слѣзалъ съ колокольни, и въ продолженіи всенощной словоохотливый старикъ мнѣ разсказалъ много замѣчательныхъ случаевъ

изъ жизни прихожанъ, гдѣ сказалась святая сила церковнаго благовѣста. Вотъ два изъ нихъ.

1. Разъ въ зимнюю ночь, подъ воскресенье, подходитъ къ проруби на Волгѣ едва прикрытая лохмотьями, обутая на босу ногу, молодая крестьянка съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Пьяный, распутный мужъ, пропившій все въ домѣ, послѣднюю одежонку съ себя и жены, не въ первый разъ избилъ ее и выгналъ вонъ на морозъ... Терпѣнье несчастной истощилось; сердечная рѣшилась утонуть вмѣстѣ съ дитятей. Вотъ она у проруби, цѣлуетъ ребенка, креститъ его, начинаетъ послѣдній разъ молиться на церковь; помолившись, снимаетъ съ себя крестъ и кладетъ близъ проруби на снѣгу...

Въ эту минуту раздается благовѣстъ къ заутрени... Вздрогнула женщина, точно испуганная голубка; встрепенулась, оглянулась на церковь, зарыдала, перекрестилась, быстро подняла, торопливо надѣла на себя лежавшій на снѣгу крестъ, поцѣловала ребенка и бѣгомъ побѣжала къ церкви, въ сторожку.. Здѣсь ее отогрѣли, и она прожила въ сторожкѣ цѣлую недѣлю. Между тѣмъ проснувшійся мужъ напрасно ищетъ свою семью у сосѣдей. На спросы о женѣ и ребенкѣ, всѣ ему отвѣчали: «Загубилъ ты, разбойникъ, заѣлъ жизнь доброй жены.. Гдѣ ей быть? Наложила видно на себя руки». Проснулась совѣсть въ мужикѣ: онъ рыдалъ, каялся въ своемъ тиранствѣ, клялся, давалъ зарокъ оставить худую жизнь; только бы Господь сохранилъ ему жену и ребенка.

Дѣйствительно сосѣди всѣ удивлялись, какъ послѣ этого случая быстро перемѣнился мужикъ, сталъ жить въ любви и согласьи съ женою, сдѣлался трезвымъ, работящимъ. Сынъ выросъ, сталъ хорошимъ человѣкомъ; и теперь первый въ приходѣ крестьянинъ: набожный, трудолюбивый, зажиточный. Старики долго жили: отца сынъ похоронилъ раньше матери.

Передъ кончиною только повѣдалъ ему отецъ: «Въ ту ночь, когда я, пьяный, избилъ и выгналъ твою мать, вдругъ слышу во снѣ надъ самымъ ухомъ громкій благовѣстъ и кто-то говоритъ мнѣ такъ строго, точно не земнымъ голосомъ: «Безумецъ! Гляди, гдѣ твоя семья»... Вижу, словно на яву, среди ночной темноты стоитъ на

берегу наша церковь, какъ огненный столпъ, чудным свѣтомъ озаренная; а отъ нея широкая яркая полоса свѣта пала на Волгу... Глянулъ какъ я въ ту сторону: Господи помилуй! Подлѣ проруби, обнесенной елками, стоитъ жена съ ребенкомъ на рукахъ и молится на церковь».

2. Пріѣхалъ сюда въ великомъ посту, подъ вербное воскресенье, вечеромъ изъ города богатый купецъ: нужно было ему по дѣламъ переправиться за Волгу. А Волга только что тронулась и пошла; переѣхать на ту сторону было никакъ нельзя. Купецъ рѣшился переночевать на постояломъ дворѣ, который (теперь двора нѣтъ, да и хозяинъ давно умеръ) вонъ тамъ за селомъ одинъ бобылемъ стоялъ. Дворъ держалъ здѣшній крестьянинъ. Купецъ ѣхалъ по торговымъ дѣламъ и везъ съ собою большія деньги. Помѣстилъ проѣзжаго хозяинъ въ отдѣльной комнатѣ, а самъ ночевалъ съ своей семьей чрезъ сѣни въ другой избѣ. Постоялецъ разговорился съ хозяиномъ: куда, какъ и за чѣмъ ѣдетъ. Лукавый силенъ, горами шатаетъ... Мужикъ замѣтилъ у купца много денегъ, соблазнился и, что-бы вы думали, рѣшился убить проѣзжаго.

Наступила ночь. Купецъ съ дороги крѣпко уснулъ. Въ деревнѣ какіе запоры?! Да купцу и на мысль не приходило что-нибудь дурное... Мужикъ беретъ топоръ и тихонько крадется къ спящему; вотъ онъ ощупалъ постель... Вдругъ благовѣстъ къ заутрени Мужикъ вздрогнулъ. Топоръ выпалъ у него изъ рукъ и грохнулся о полъ. Купецъ проснулся, зажегъ свѣчку. Передъ нимъ ни живъ, ни мертвъ, стоитъ хозяинъ, а на полу топоръ.

Остолбенѣлъ мужикъ и бѣжать не могъ. «Прости, Христа ради»,—сказалъ, вставъ на колѣна предъ купцемъ и горько заплакавъ. Винюсь. Согрѣшилъ окаянный, задумалъ тебя убить и завладѣть твоими деньгами. Кабы не ударъ святаго колокола, словно громъ грянувшій на мою грѣшную голову, кабы не остановилъ онъ меня, не образумилъ,—я бы сдѣлалъ худое дѣло: и твою бы и свою душу загубилъ. Прости, прости», рыдалъ мужикъ.

— Богъ тебя проститъ, отвѣчалъ ему купецъ, перекрестившись. Тебя мои деньги соблазнили: я тебѣ от-

дамъ ихъ все, что есть со мною. Вотъ тебѣ бумажникъ: мнѣ жизнь дороже.

И Купецъ подалъ ему бумажникъ съ деньгами.

Мужикъ только молилъ о прощеньи, плакалъ и ни за что не хотѣлъ брать денегъ.

Тогда купецъ рѣшилъ,—такъ какъ благовѣстъ спасъ ему жизнь,—пожертвовать эти деньги на новый колоколъ.

— Приходъ вашъ большой, сказалъ купецъ, и раскинулся далеко; въ будничные дни, можетъ быть, до иныхъ деревень и не достигаетъ гулъ Господня благовѣста. А потому я новый колоколъ закажу въ Москвѣ позвончѣ, пудовъ въ двѣсти, и пусть онъ будетъ повседневнымъ. Пришлю его сюда отъ неизвѣстнаго съ письмомъ на имя священника, а въ письмѣ я ничего не скажу, а только завѣщаю, чтобы благовѣстили по буднямъ. Пусть раздается благовѣстъ его по вся дни. Вѣдь благовѣстъ—голосъ Божій: заслышавъ его въ далекой деревнѣ не одна христіанская душа перекрестится, вспомнитъ о Богѣ и можетъ быть удержится отъ злаго дѣла.

Такъ и сдѣлалъ купецъ. Не чрезъ долгое время колоколъ привезли, подняли, повѣсили; на немъ вылита надпись: «*Пожертвованъ въ благодарность Господу Богу за спасеніе погибавшаго*». Что еще чудно: крестьянинъ, содержатель постоялаго двора, умеръ въ ту самую минуту, какъ въ первый разъ заблаговѣстили къ обѣднѣ въ новый колоколъ.

Если-бы допросить всѣ безчисленные сельскіе храмы, разсѣянные по лицу православной Руси, и они намъ разсказали, какъ созидались; если-бы хранящаяся въ нихъ церковная утварь, кресты, иконы, хоругви, колокола повѣдали, откуда они взялись, о, какая-бы тогда назидательная лѣтопись раскрылась передъ міромъ! Какой длинный свитокъ поучительныхъ любопытныхъ сказаній о праведной жизни, полной святыхъ подвиговъ, съ картинами самоотверженія, благочестія, чудесъ благодати и Промысла, развернулся бы предъ нашими изумленными очами!..

(Изъ Ярославск. Епарх. Вѣд.).

Лѣтопись текущихъ событій.

Торжественное засѣданіе славянскаго благотворительнаго общества. 14 февраля въ залѣ С.-Петербургской Городской Думы происходило торжественное собраніе с.-петербургскаго Славянскаго благотворительнаго Общества. Громадная зала оказалась биткомъ набитою, сотни лицъ стояли въ проходахъ и позади у входа. Это имя покойнаго И. С. Аксакова собрало такую массу, ибо все засѣданіе главнымъ образомъ было посвящено чествованію его памяти. Три оратора говорили и выяснили его значеніе, профессора: Ламанскій, Бестужевъ-Рюминъ и О. Миллеръ.

Г. Ламанскій представилъ біографію И. С. Аксакова, указалъ на его труды какъ поэта, художника, публициста и трибуна, г. Бестужевъ-Рюминъ выяснилъ его значеніе какъ борца за славянскую и русскую идею (самъ ораторъ за болѣзнію не былъ въ собраніи и за него читалъ его рѣчь В. И. Аристовъ). Профессоръ Миллеръ посвятилъ свою рѣчь выясненію публицистической дѣятельности Аксакова, какъ защитника свободы мысли и слова и какъ истинно русскаго патріота. Рѣчь его и другія вызвали шумные восторги.

Собраніе открыто было товарищемъ предсѣдателя г. Васильчиковымъ, заявившимъ, что ему приходится открывать засѣданіе подъ гнетомъ скорби общественной и личной по такъ безвременно погибшемъ другѣ и гражданинѣ. Затѣмъ секретаремъ общества былъ прочитанъ годовой отчетъ о дѣятельности Славянскаго общества и послѣ него уже начались вышепоименованныя рѣчи. Въ собраніи присутствовали высокопреосвященный Іоанникій митрополитъ московскій, преосвященные епископы Серафимъ самарскій и Германъ кавказскій, генералъ-адъютантъ гр. Игнатьевъ, членъ Государственнаго Совѣта Стояновскій, черногорскій воевода Пеко Павловичъ и др. Въ началѣ между рѣчами и въ концѣ хоръ г. Архангельскаго прекрасно исполнилъ славянскіе гимны, духовныя стихиры и пѣсни. Особенно эффектно спѣто было «Киріэ-элисонъ» (Господи помилуй). По предложенію предсѣдательствующаго, Общество избрало своего предсѣдателя, генералъ-лейтенанта Н. Н. Дурново, за его заслуги и энергическую дѣятельность въ почетные члены Общества. Вотъ сущность рѣчи профессора Бестужева-Рюмина. Ораторъ началъ съ того, что сказалъ про покойнаго И. С. Аксакова: «Это былъ истинно русскій и православный въ душѣ человѣкъ, онъ былъ нашимъ учителемъ въ этомъ. Это былъ

послѣдній изъ той славной группы, которая первая внесла въ наше сознаніе государственной жизни основы русскаго и славянскаго духа». Профессоръ указалъ на значеніе Аксакова, какъ борца за идею, который высказывался со всею энергіею въ своихъ литературныхъ трудахъ, который жилъ въ своихъ писаніяхъ. Говорятъ, было мало подписчиковъ у «Руси», но мы видимъ за то, сколько есть его почитателей; голосъ его звучалъ

Какъ колоколъ на башнѣ вечевой
Во дни торжествъ иль бѣдъ народныхъ.

Его ученіе, которымъ неустанно будилъ онъ въ насъ нашъ народный духъ, наше народное самосознаніе, его мысли хотя и медленно, но переходили въ сознаніе нашего общества. Онъ желалъ только одного, чтобы чувства любви къ родинѣ, любви къ славянской идеѣ жили въ русскомъ обществѣ, чтобы суета дня даже на время не отвлекала насъ отъ нихъ. Скорѣйшее изданіе его сочиненій наиболѣе будетъ способствовать проникновеніе его идеями. Это будетъ лучшая память объ немъ.

(Новое Время).

О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ правилахъ о производствѣ питейной торговли. Министръ Финансовъ входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ правилахъ о производствѣ питейной торговли, полагая временно, впредь до указаній опыта, постановить:

1. Открытіе вновь трактирныхъ заведеній ближе 40 саженъ отъ храмовъ, монастырей, часовень (въ коихъ совершается богослуженіе или какія либо общественныя молитвословія) и молитвенныхъ домовъ воспрещается. Отступленія отъ сего правила допускаются въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 19 правилъ о раздробительной продажѣ напитковъ, Высочайше утвержденныхъ 14 мая 1885 года, и по сношенію съ мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ, только въ отношеніи гостинницъ.

2. Городскимъ думамъ предоставляется, по соглашенію съ полиціею и съ утвержденія губернскаго по питейнымъ дѣламъ присутствія, опредѣлять, въ видахъ общественнаго благоустройства и благочинія, тѣ мѣстности въ городѣ (независимо отъ указанныхъ закономъ), гдѣ не дозволяется открытіе всѣхъ вообще или нѣкоторыхъ только видовъ заведеній для раздробительной продажи питей.

Комитетъ полагалъ: представленіе министра Финансовъ утвердить.

Государь Императоръ, 8 января сего года, на положеніе Комитета Высочайше соизволилъ.

Высочайшее одобреніе. На дняхъ напечатанный во Владимірѣ на Клязьмѣ Отчетъ о дѣятельности Братства Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго за 1884—85 г. сообщаетъ, что при разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго отчета начальника губерніи за 1884 годъ Его Величеству благоугодно было обратить Всемилостивѣйшее вниманіе на значительную пользу, приносимую дѣлу народнаго во Владимірской губерніи образованія Братствомъ Св. Александра Невскаго—открытіемъ 138 церковно-приходскихъ школъ и учрежденіемъ въ городахъ и многолюдныхъ селеніяхъ религіозно-нравственныхъ народныхъ чтеній. Его Величество на этомъ отчетѣ противъ строкъ, гдѣ говорится о таковой дѣятельности Братства, изволилъ собственноручно начертать: *«Весьма утѣшительно и достойно подражанія»*.

Высочайшая благодарность. Его высокопреосвященство высокопреосвящ. Платонъ Митрополитъ Кіевскій предложилъ Кіевской дух. консисторіи объявить духовенству Кіевской епархіи о Высочайшей благодарности Ея Императорскаго Величества кіевскому духовенству за усердіе и пожертвованіе для основанія второго женскаго духовнаго училища въ Кіевѣ и учрежденія въ немъ стипендіи и предложить ему вознесть усердныя молитвы къ Господу о здравіи и благоденствіи Ея Императорскаго Величества за материнское попеченіе Ея о воспитаніи дѣвицъ духовнаго званія и милостивѣйшее вниманіе къ посильнымъ пожертвованіямъ кіевскаго духовенства на сей предметъ.

Должности миссіонеровъ въ Кіевской епархіи. Кіевлянинъ сообщаетъ слухъ, что въ кіевской епархіи предположено учредить должности миссіонеровъ для обращенія въ православіе какъ иновѣрцевъ, такъ и сектантовъ. Помимо жалованья, миссіонерамъ этимъ предполагается дать помѣщеніе въ лаврѣ и отъ нея полное содержаніе. На одну изъ должностей его высокопреосвященствомъ опредѣленъ уже священникъ Рязанской епархіи о. Леоновъ. Можно надѣяться что съ назначеніемъ въ миссіонеры отдѣльныхъ лицъ, которыя исключительно посвя-

тятъ себя этому дѣлу, миссіонерство пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ шло до настоящаго времени.

Борьба съ штундою. Г. Митрополовъ отправившійся съ разрѣшенія Св. Синода въ Малороссію для распространенія въ народѣ духовно-нравственныхъ книгъ, успѣшно ведетъ это дѣло. Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, по словамъ «Свѣта», ему удалось посѣтить массу штундистскихъ поселеній въ Кіевской губерніи и раздать народу свыше 10,000 экземпляровъ различныхъ брошюръ и «троицкихъ листковъ». Въ мѣстностяхъ, наиболѣе зараженныхъ штундизмомъ, г. Митрополовъ ведетъ, при содѣйствіи мѣстнаго духовенства и одного аѳонскаго схимонаха, собесѣдованія съ народомъ, привлекающія массу слушателей. По окончаніи объѣзда черноземной полосы, г. Митрополовъ намѣренъ отправиться въ Поволжскій край и, если позволятъ обстоятельства, на Уралъ.

Успѣхи православія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Изъ волости Дундага въ латышскую газету Baltijas Webstnesis, отъ 16 января, пишутъ что переходъ въ православіе среди мѣстнаго крестьянскаго населенія продолжается. По извѣстіямъ рижскихъ газетъ, въ теченіе ближайшихъ трехъ лѣтъ постановлено израсходовать на предметъ постройки новыхъ православныхъ храмовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ до трехъ сотъ тысячъ рублей. Эти храмы имѣется въ виду воздвигнуть въ новообразовавшихся въ послѣднее время православныхъ приходахъ, въ особенности въ Эстляндской губерніи.

Изъ Викскаго уѣзда въ эстонскую газету Eesti Postimees пишутъ: «Въ Фикельскомъ приходѣ число православныхъ прихожанъ возрасло до такой степени что въ Шлоссъ-Фелксѣ на дняхъ поселится на постоянное жительство православный священникъ; до сихъ же поръ сюда ѣздили для церковныхъ требъ священники изъ Керкавы и Удафера. Есть надежда что въ Шлоссъ-Фелксѣ вскорѣ приступятъ къ сооруженію православнаго храма. «По словамъ той же газеты, на островѣ Дагденѣ, въ трехъ новооснованныхъ православныхъ приходахъ: Пюгалѣппѣ, Гогенгольмѣ и Эммастѣ, богослуженіе большею частію совершается по сіе время въ крестьянскихъ хатахъ, гдѣ тоже помѣщаются основанныя здѣсь православныя школы, число которыхъ простирается до семи. Такъ какъ такое помѣщеніе дагденскихъ православныхъ школъ

слишкомъ тѣсно, то дѣти мѣстныхъ лютеранскихъ крестьянъ не могутъ быть принимаемы согласно желанію родителей. Вслѣдствіе этого нынѣ поступило ходатайство предъ высшимъ правительствомъ о разрѣшеніи устроить на островѣ Дагденѣ еще нѣсколько православныхъ училищъ для эстонскихъ крестьянъ-островитянъ.

Русское дѣло на Балтійской и Польской окраинахъ. Отмѣтимъ изъ современнаго теченія общественной жизни отрадную побѣду, которую все таки совершаетъ русское дѣло въ Балтійскомъ краѣ. Изученіе русскаго языка идетъ тамъ бойко впередъ; балты поняли, что рѣшеніе правительства серіозно и безповоротно. Частныя нѣмецкія учебныя заведенія добровольно усиливаютъ число уроковъ русскаго языка и приглашаютъ, это конечно ужь по неволѣ, въ виду недавняго циркуляра, русскихъ преподавателей на предметы исторіи и географіи. Русскія же казенныя заведенія переполнены учениками всѣхъ національностей, такъ что приходится отказывать за недостаткомъ помѣщенія. Такое явленіе замѣчается преимущественно въ губернскихъ городахъ. На желѣзныхъ дорогахъ точно также государственный языкъ возвращаетъ свои права. Правительственный инспекторъ отказался принимать дѣловыя бумаги на нѣмецкомъ языкѣ,—совершенно обратно тому, какъ прежде нѣмцы не изволили принимать на русскомъ. Всѣ желѣзнодорожные агенты во всѣхъ служебныхъ сношеніяхъ какъ между собою, такъ и съ публикою обязаны употреблять исключительно русскій языкъ. И какъ же оказалось не труднымъ достигнуть этого! А между тѣмъ сколько непріятностей постигло «*Москву*» покойнаго Аксакова именно за неутомимую борьбу противъ балтовъ!

Не столь покорными, какъ нѣмцы, оказались на другой изъ окраинъ фанатическіе поляки. Изъ Люблина нужно было вывезти трехъ ксендзовъ-монаховъ въ Волынскую губернію. Толпа заперла улицы, препятствуя вывозу сначала простымъ затѣсненіемъ улицъ; а затѣмъ дѣло дошло до глумленій, потомъ до комьевъ снѣга, бутылокъ, и наконецъ до выстрѣловъ. Кончилось тѣмъ, что проходъ очистили сначала стража, а потомъ и войска оружіемъ. Въ результатѣ оказалось нѣсколько раненныхъ изъ полиціи и изъ гражданъ.

Безпорядки въ Люблинѣ. Въ «Варшавскомъ Дневникѣ» появилось слѣдующее важное извѣстіе, сообщающее нѣкоторыя подробности о безпорядкахъ, вызванныхъ среди люблинскаго на-

селенія польско-іезуитской пропагандой: «Во второй половинѣ прошлаго 1885 года произведеннымъ дознаніемъ было раскрыто существованіе въ Люблинѣ весьма систематически устроенной галицкими іезуитами тайной организаціи римско-котолической пропаганды между возсоединившимися съ православіемъ бывшими уніатами. Главною задачею этой пропаганды конечно было совращеніе бывшихъ уніатовъ въ католицизмъ, а ближайшими средствами къ этому служили—исполненіе для нихъ требъ по католическому обряду и совершеніе надъ ними таинствъ крещенія и бракосочетанія ксендзами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и лицами, не имѣвшими на то, по правиламъ церкви, права. При этомъ лица, надъ которыми таинства совершались, получали метрики на заготовленныхъ бланкахъ, съ пробѣлами для именъ, но заранѣе подписанныхъ краковскими іезуитами и даже оплаченныхъ австрійскою гербовою пошлиною. Дознаніемъ было констатировано, что въ совершеніи этихъ таинствъ между прочимъ принимали участіе три монаха люблинскаго Доминиканскаго монастыря. Очевидно, что такое воспрещенное закономъ и совершаемое вопреки распоряженій правительства вмѣшательство какъ частныхъ лицъ, такъ и представителей римско-католической церкви въ дѣла православія, не могло остаться безъ строгаго наказанія: помянутыхъ монаховъ приказано было выслать подъ надзоръ полиціи въ сѣверныя губерніи имперіи. Къ сожалѣнію, распоряженіе это сдѣлалось извѣстнымъ жителямъ города, и вечеромъ 19 января, когда предполагалось отправить монаховъ по желѣзной дорогѣ, толпа народа, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, несомнѣнно подстрекаемая пропагандистами, собралась у монастыря и хотѣла воспрепятствовать полиціи вывезти монаховъ на станцію, затрудняя ей по узкимъ улицамъ путь и бросая въ стражниковъ и лошадей комья снѣгу и льду, при чемъ одинъ комъ попалъ одному изъ увозимыхъ монаховъ въ глазъ. Такое своеволіе конечно не могло быть допущено. Мѣстныя власти тотчасъ же распорядились вызовомъ воинской команды, при содѣйствіи которой всѣ прилегающіе къ монастырю переулки были немедленно очищены отъ толпы, и монахи безпрепятственно доставлены на станцію, а оттуда отправлены по желѣзной дорогѣ по назначенію. При этомъ воинская команда, встрѣченная первоначально точно также комьями снѣгу и льду, сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ. Брошенными изъ толпы комьями замершаго снѣга ушиблены нѣсколько стражниковъ и солдатъ.

За участіе въ сихъ безпорядкахъ и сопротивленіе полиціи и войскамъ арестовано до 56 человѣкъ, и, по распоряженію прокурора, тотчасъ же приступлено къ производству объ этомъ происшествіи предварительнаго слѣдствія, которое, можетъ быть, укажетъ на агитаторовъ.

Католическая нетерпимость. «Варш. Дн.» получилъ изъ Томашевскаго уѣзда Люблинской губерніи слѣдующее письмо:

«Въ концѣ декабря органистъ Дубовскаго римско-католическаго костела (Томашевскаго уѣзда) ходилъ по домамъ своихъ прихожанъ и убѣждалъ ихъ убирать со стѣнъ иконы съ русскою надписью, утверждая, что это противно ученію римско-католическаго костела. Въ день чествованія 1,000 лѣтняго юбилея св. Меѳодія многіе изъ католиковъ (употребляющіе исключительно русскій разговорный языкъ) желали получить въ ознаменованіе этого дня, на память, изображенія св. просвѣтителей славянъ—въ виду чего и для скрѣпленія братскихъ (единоплеменныхъ) узъ и розданы были имъ 6 апрѣля настоятелемъ православнаго прихода разныя иконы; въ настоящее же время они поставлены въ необходимость, благодаря пропагандѣ причта Дубовскаго костела, снимать со стѣнъ своихъ домовъ означенныя иконы, долженствовавшія напоминать имъ о бывшемъ когда-то единеніи ихъ съ остальными народами, имѣющими славянскую азбуку».

Фальшивый патріотизмъ польской печати. Фальшивый патріотизмъ польскихъ публицистовъ нерѣдко доходитъ до комизма. Образцикомъ такихъ патріотическихъ нелѣпицъ могутъ служить, напримѣръ, слѣдующія уловки:

Въ польскихъ газетахъ принято отличать польскія и русскія фамиліи на *скій* (skij) или *кій* (kij) слѣдующимъ образомъ. Если лицо, носящее фамилію на *скій*—русскій человѣкъ, то польскія газеты, печатая его прозвище, оканчиваютъ его на skij; если же онѣ хотятъ признать кого полякомъ, то пишутъ фамилію съ окончаніемъ ski или ki, напримѣръ. Висоцкій (Wysockij) русскій, а Высоцки (Wysocki) полякъ. Если чѣмъ-нибудь, напримѣръ открытіемъ, ученымъ трудомъ, какимъ-нибудь подвигомъ и т. д., прославилось лицо, носящее фамилію на *скій*, и газета сообщаетъ объ этомъ, то въ здѣшнихъ листкахъ такое лицо обыкновенно фигурируетъ съ окончаніемъ на ski (ски), хотя бы это былъ человѣкъ чистаго русскаго закона, не имѣющій ничего общаго съ поляками, живущій за тридесять земель отсюда и никогда не бы-

вавшій въ Польшѣ. А если завѣдомый полякъ съ фамиліей на скій или кій совершилъ что-нибудь далеко недоблестное, напримѣръ воровство въ банкѣ, о чемъ газетамъ докладывать тоже приходится, то польскія газеты любятъ печатать его прозвище съ окончаніемъ skij, желая этимъ показать, что это русскій человѣкъ, а ужъ никакъ не полякъ. Вотъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ какой-то кассиръ-полякъ съ фамиліей на ski обокралъ одну изъ провинціальныхъ конторъ польскаго банка, и его фамилія одно время фигурировала въ польскихъ газетахъ на skij. «Знайте, молъ, что воръ не полякъ, а, конечно, русскій!» говорили листки этою маленькою прибавкой іоты...

И такія пошлыя и глупыя выходки сходятъ за проявленія «истиннаго патріотизма!.»

Выходка въ театрѣ въ Варшавѣ. По сообщенію краковской газеты «Часъ», въ Варшавѣ на дняхъ въ маломъ театрѣ, во время представленія піесы Дюма «Дамы полусвѣта», въ третьемъ актѣ, когда артистка Чаки, игравшая роль Марцеллы, послѣ окончанія сцены съ баронессой, сѣла писать письмо, и никто на сценѣ не говорилъ, вдругъ въ ложѣ перваго этажа поднялся какой-то мущина, весьма прилично одѣтый, и дрожащимъ, но сильнымъ голосомъ произнесъ слѣдующія слова: «Достопочтенные господа, я могу сообщить вамъ радостную новость: скоро образуется Польша отъ моря до моря, генералъ-губернаторъ будетъ пить за наше здоровье»! Слова эти поразили публику, всѣ сидѣли точно прикованные къ мѣстамъ и не смѣли пошевелиться. Артистка Чаки продолжала свою роль и закончила ее, послѣ нѣкотораго перерыва, слѣдующими словами піесы: «...чтобы Господь Богъ насъ благословилъ и все бы посчастливилось—не будемъ терять надежды»! Немедленно двѣ сопровождавшія этого господина дамы, какъ вскорѣ оказалось, его дочери, испуганныя и блѣдныя, подошли къ нему и пытались вывести его изъ ложи, но онъ выйти не пожелалъ. Когда же во время вскорѣ наступившаго антракта многіе поднялись со своихъ мѣстъ и обратили свои взоры на говорившаго, онъ сказалъ: «Это мои дочери, польки», а потомъ прибавилъ: «Далѣе, оркестръ, играйте: «Еще Польша не згинела»! Одновременно много лицъ изъ большаго театра появилось на фойе малаго театра, такъ какъ оба эти учрежденія находятся въ одномъ зданіи и подъ одною крышей; ложа губернатора наполнилась множествомъ любопытныхъ; изъ залы же малаго

театра никто не тронулся, и всѣ неподвижно сидѣли на своихъ мѣстахъ до самаго конца представленія. Впослѣдствіи оказалось, что говорившій былъ помѣщикъ Плоцкой губерніи, панъ Оржеховскій Во время четвертаго акта его вывели изъ ложи.

Католическіе монастыри. Луцко-Житомірской епархіи, обнимающей въ настоящее время весь Юго-Западный край, ордена капуциновъ, оскудѣваютъ въ послѣдніе годы числомъ братіи. «Przegląd Katolicki» сообщаетъ. что въ монастыряхъ: староконстантиновскомъ, винницкомъ и ходорковскомъ (Сквирскаго уѣзда) осталось теперь всего по два іеромонаха и по одному монаху.

Предстоящая реставрація древнѣйшаго храма во Владиміроволынскѣ. Съ археологическою цѣлью, какъ сообщаетъ «Нов. Вр.», предположено *реставрировать храмъ*, сооруженный великимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ, въ началѣ XII вѣка, *въ гор. Владиміроволынскѣ.*

Изданіе новаго Уложенія и новаго Устава о Наказаніяхъ. На дняхъ поступили въ продажу изготовленныя кодификаціоннымъ отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ новыя изданія Уложенія о Наказаніяхъ и Устава о Наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, какъ заслуживающее вниманія нововведеніе, что какъ Уложеніе, такъ и Уставъ выпускаются одновременно въ двухъ разныхъ форматахъ: обыкновенномъ, принятомъ для книгъ Свода Законовъ, и маломъ, карманномъ. Послѣднее напечатано въ восьмую долю листа и нѣсколько менѣе крупнымъ шрифтомъ, при чемъ Уложеніе и Уставъ переплетены въ одну компактную книжку. Но еще болѣе пріятною новостью надо признать чрезвычайную дешевизну этихъ изданій. Уложеніе большаго формата стоитъ 65 копѣекъ. Уставъ—10 коп.; Уложеніе и Уставъ вмѣстѣ, карманнаго формата (въ коленкоровомъ переплетѣ)—всего 35 коп. Продажа производится не только, какъ бывало раньше, въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, но и въ конторѣ сенатской типографіи. Оба эти изданія доведены до 1 января текущаго года, такъ что въ Уложеніи о Наказаніяхъ введены всѣ позднѣйшія карательныя узаконенія, каковы законы объ отмѣнѣ подраздѣленія каторги на три рода, объ упраздненіи смирительныхъ и рабочихъ домовъ объ усиленіи наказаній за растрату и измѣненіе постановленій о кражѣ со взломомъ.

А. П. Берже (некрологъ). Въ Тифлисѣ скончался извѣстный изслѣдователь Кавказа, предсѣдатель археографической коммисіи учрежденной при Главномъ Кавказскомъ Управленіи Адольфъ Петровичъ Берже. Покойный сдѣлалъ весьма много для изученія Кавказа, какъ въ его прошломъ такъ и въ настоящемъ. Большая часть его трудовъ издана въ Тифлисѣ. Изъ нихъ газета *Новости* приводитъ: *Прикаспійскій край* (1856), *Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ* (1858), *Матеріалы для описанія нагорнаго Дагестана* (1858), *Чечня и Чеченцы* (1859), *Исторія Адагенскаго народа* (1861), *Акты собранные кавказскою археографическою коммиссіей* подъ редакціей Берже (нѣсколько томовъ), *Кавказъ въ археологическомъ отношеніи* (1874). Берже кромѣ того завѣдывалъ вмѣстѣ съ г. Бакрадзе изданіемъ Записокъ Общества Любителей Кавказской Археологіи. Покойный, между прочимъ, помѣстилъ немало своихъ работъ въ *Русской Старинѣ*. Въ 1865 году по отдѣленію физической географіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Адольфъ Петровичъ получилъ награду «за постоянную и безвозмездную помощь редакціи *Словаря* Общества въ отношеніи исправленія и составленія вновь статей, до географіи Кавказа относящихся». Служебная карьера Адольфа Петровича была слѣдующая. Въ службу вступилъ онъ въ 1851 году, въ 1861 году получилъ орденъ Св. Анны 2-й степени, въ 1866 году Св. Владиміра 3-й степени, въ 1868 году былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ 1871 году ему пожаловано было 2,000 десятинъ земли въ Ставропольской губерніи.

Ив. П. Яхонтовъ (некрологъ). Московская духовная академія понесла на дняхъ утрату. Скончался отъ чахотки молодой и даровитый приватъ-доцентъ по каѳедрѣ Основнаго Богословія Иванъ Петровичъ *Яхонтовъ*, отъ котораго академія много ждала для отечественной богословской науки.

Журналъ «**Родникъ**» Учеными Комитетами Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованъ и одобренъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1886 г. прежнія: На годъ, съ дост. и перес. за 12 книгъ «**Родника**» съ отдѣльной преміей **5** р. Тоже съ приложеніемъ 12 №№ педагог. листка «Воспитаніе и Обученіе» **6** руб.

Школы, выписывающія сразу 10 экз. журнала «Родникъ» пользуются уступкою въ 10% съ подписной платы или получаютъ одинадцатый экземпляръ журнала даромъ.

Подписку слѣдуетъ адресовать такъ: С.-Петербургъ, въ редакцію журнала для дѣтей «РОДНИКЪ».

Редакторъ-Издательница **Е. Сысоева**.

СОДЕРЖАНІЕ. Ученіе Тридентскаго собора о первородномъ грѣхѣ и оправданіи—въ связи съ православнымъ и протестантскимъ ученіемъ о томъ же предметѣ (продолженіе). Благовѣстъ. Лѣтопись текущихъ событій. Объявленіе.

№ 6 Волын. Епарх. Вѣд. сданъ на почту 21-го Февраля 1886 г.

Редакторъ **П. Бѣляевъ**.

Дозволено цензурою. Кременецъ. 21-го Января 1886 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.